doi <https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-2>
УДК 314.148(470.5)"19"

Бахарев Д. С.

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ НАЧАЛА XX В.: РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ¹

Аннотация. Работа посвящена исследованию влияния религиозного фактора на младенческую смертность в Шадринском уезде Пермской губернии в начале XX в. Специфика Шадринского уезда заключалась в его относительной природно-климатической и экономической однородности и повсеместно слабо развитой социальной инфраструктуре, ориентированной на детей. В этнорелигиозном и юридическом смысле население уезда делилось на православных русских бывших государственных крестьян и башкиро-мещеряцких вотчинников/припущенников-мусульман, занятых в сельском хозяйстве. По итогам исследования сделан вывод, что в условиях почти полной равноценности прочих факторов религиозные предписания мусульман оказывали колоссальное влияние на выживаемость детей — разница коэффициентов младенческой смертности между конфессиональными группами составляла более 200 промилле.

Ключевые слова: историческая демография, младенческая смертность, позднейшая Россия, население Урала, религия

В последние десятилетия все чаще исследователи при изучении исторической реальности обращаются к концептам и инструментам, применяемым обыкновенно для измерения современной социально-экономической ситуации: качество жизни, человеческий потенциал, уровень потребления и пр. В отечественной традиции особенно ярко эта тенденция проявляется при исследовании истории России конца XIX — первой половины XX вв. — периода, отношение к которому, с одной стороны, во многом формирует текущую историко-политическую повестку, и с другой — когда в принципе впервые появился статистический материал, пригодный для расчета подобных индикаторов [12, с. 167–370; 13; 17]. По мнению многих исследователей, одним из таких популярных интегральных показателей, косвенно отражающих социально-экономическое и культурное развитие общества, является уровень младенческой смертности [9]. По умолчанию считается, что общество должно прилагать максимум усилий для сохранения потомства, поэтому эффективность этих усилий теоретически равняется эффективности работы общественной системы в целом.

Вопрос высокой младенческой смертности в России пореформенного времени является одним из самых популярных среди отечественных демографических и экономических историков, а дискуссия о причинах и динамике этого явления — одной из самых пространных в историографии [1, с. 46–72; 14, с. 1–45]. Тем не менее российская историческая демография

¹ © Бахарев Д. С. Текст. 2021.

почти не знает крупных проектов по детальной реконструкции динамики этого демографического феномена на уровне индивидов или хотя бы поселений, в то время как мировая традиция к началу XXI в. практически полностью переориентировалась на такой подход из-за его значительного и часто исчерпывающего объяснительного потенциала. Господствующая в российской практике методика оперирования большими агрегированными данными странового, максимум регионального уровня, ведет к недопониманию локальных причин и особенностей запуска и развития демографического перехода, что особенно актуально для России, где он стартовал и прерывался несколько раз [7]. Представленная работа посвящена исследованию на уровне поселений влияния важного культурного фактора — религии — на младенческую смертность в Пермской губернии — одном из ключевых регионов Российской империи рубежа XIX–XX вв. и одним из лидеров по уровню смертности грудных детей в стране.

Впервые обратили внимание на проблему высочайшей смертности младенцев на дореволюционном Урале уже ее непосредственные свидетели [см., например: 15, с. 497–498]; серьезное развитие проблематика получила уже в работах современных ученых [5, 11]. Несколько раз младенческая смертность в Пермской губернии конца XIX — начала XX вв. рассматривалась в разрезе религиозных различий, в т. ч. на основе анализа метрических книг, однако эти работы были ориентированы на реконструкцию явления в среде компактных городских меньшинств, что поднимает вопрос как репрезентативности, так и специфики городского населения [3, 4, 16]. Данное исследование предполагает изучение смертности грудных детей на мезоуровне отдельных поселений в соседствующих мусульманских и православных общинах южного Зауралья — Шадринского уезда Пермской губернии — в начале XX в. Источниковую базу исследования составила опубликованная земская демографическая статистика, а методическую — историко-статистический метод и пространственный анализ (электронное картографирование).

Младенческая смертность, ее причины и динамика¹ — сложный феномен, подвергавшийся влиянию целого ряда факторов, соотношение которых и определяло зачастую уникальную картину эпидемиологического перехода на конкретной территории. К числу крупных категорий подобных факторов можно отнести социально-экономические (инфраструктура, достаток и пр.), природно-климатические (температура, влажность и пр.), демографические (возраст матери, очередность рождения и пр.), а также культурные (бытовые практики, этнорелигиозные предписания и пр.). И в то время как большая часть Урала была в значительной степени подвержена влиянию всех перечисленных факторов, южное Зауралье, нао-

¹ Количественный уровень младенческой смертности чаще всего измеряется с помощью коэффициента младенческой смертности (КМС), в данном случае — его самой простой вариации, т. е. количестве детей, умерших в возрасте до 1 года на 1 000 новорожденных за один год.

Таблица 1

**Сословный состав населения
Шадринского уезда в 1897 г.***

Сословие	Численность	
	абс.	%
Крестьяне	301 141	96,9
Мещане	7 045	2,3
Духовенство	1 093	0,3
Дворяне	596	0,2
Купцы	305	0,1
Остальные (с иностранцами)	489	0,2
Всего	310 669	100

* Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. Санкт-Петербург, 1904. С. 2–3.

Таблица 2

**Религиозный состав населения
Шадринского уезда в 1897 г.***

Конфессия	Численность	
	абс.	%
Православные	252 722	81,3
Старообрядцы	24 429	7,9
Мусульмане	33 312	10,7
Остальные	206	0,1
Всего	310 669	100

* Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. Санкт-Петербург, 1904. С. 2–3.

ники/припущенники¹. Обе категории имели некоторые условности, например, среди русских крестьян было какое-то минимальное количество мещан и вольнонаемных сельскохозяйственных работников² [2]; в то же время среди тюркского населения, вероятно, были ассимилированные (хотя бы де-юре) татары³, да и сами башкирские и мещеряцкие вотчинники и припущенники являлись далеко не идентичными группами.

борот, являлось довольно однородным в этом отношении регионом, специфика которого позволяет максимально сосредоточиться именно на культурных этнорелигиозных факторах.

Шадринский уезд — черноземная житница позднеимперского Среднего Урала, лесистая равнина, покрытая многочисленными озерами и реками. Население уезда в 1897 г. составляло более 310 тыс. чел., из которых 96 % были сельскими жителями; на долю горожан — жителей уездного Шадринска и заштатного Далматова — приходилось чуть более 12 тыс. Сословный состав также характеризовался тотальным доминированием крестьянства (табл. 1).

Внутри себя крестьянская масса также не отличалась разнообразием: по данным волостных правлений, на 1904 г. к сельским обществам уезда было приписано 339 бывших свободных хлебопашцев и числилось 2 хозяйства отставных солдат, остальные же сотни тысяч крестьян делились на две большие группы — русские бывшие государственные и башкирские и мещеряцкие вотчинники.

¹ Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905. С. 374–397; Материалы к оценке земель Пермской губернии: Т. 5. Шадринский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1904. С. 270.

² Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905. С. 374.

³ Материалы к оценке земель Пермской губернии: Т. 5. Шадринский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1904. С. 244.

Рис. 1. Этническая карта Шадринского уезда на 1904 г.

Составлено по: Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905. С. 374–397

Однако в силу особенностей используемых источников все эти категории в данном случае неразделимы. Соответствующим образом население делилось и по религиозному признаку — почти все русские исповедовали тот или иной вид русского православия, а башкиры и мешеряки — ислам (табл. 2).

Многочисленные старообрядцы, которые могли бы формировать собственный уникальный демографический порядок в случае компактного проживания, по всей видимости, были равномерно распределены среди православного населения уезда. На это указывает отсутствие серьезных лакун в поволостной земской статистике, т. е. во всех волостях доминировали приверженцы официального православия¹. Таким образом, этнорелигиозная карта Шадринского уезда характеризовалась доминированием русского православного населения с компактными однородными анклавами тюркоязычных мусульман; упомянутые погрешности и условности не могли серьезно влиять на эту базовую схему (рис. 1).

Схожим образом выглядел экономический ландшафт района: Шадринский уезд единственный в индустриальной Пермской губернии не имел на своей территории ни одного завода; в 1897 г. 90 % населения безотносительно этнической принадлежности указало в качестве

¹ Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Часть 1. Шадринский уезд. Пермь, 1903. С. 45.

основного занятия земледелие, а среди сельского населения — 94 %¹. Довольно значительная земская медицинская инфраструктура уезда, в свою очередь, была, бесспорно, более развита в его русской части из-за неприятия тюркским населением русских врачей, однако в массе своей она имела скорее «лечебный» характер, нежели «предупредительный», включая малоразвитую акушерскую составляющую [6, с. 57–58]. Другими словами, земская медицина в Шадринском уезде была направлена в основном на лечение взрослого населения, почти никак не касаясь детей и, таким образом, не наделяя преимуществом в этом отношении никакие группы населения.

Таким образом, Шадринский уезд предстает особенной территорией Урала, где естественным образом были исключены или имели общий знаменатель большинство факторов, определявших уровень и динамику младенческой смертности в других уездах, кроме культурных предписаний. Обыкновенно сравнения подобного рода затруднены из-за неполноты статистики: земским специалистам Пермской губернии редко удавалось получить демографические данные от неправославного духовенства на приходском уровне; например, в крупнейшем издании губернского статистического бюро «Движение населения Пермской губернии» в т. ч. по Шадринскому уезду, мусульмане не затронуты вообще². Удачным стечением обстоятельств является то, что практически единственный прецедент плотного сотрудничества низового мусульманского духовенства с земскими статистиками пришелся именно на Шадринский уезд. В 1912 г. местное земство, пытаясь, по всей видимости, составить исчерпывающий отчет по естественному движению населения после постигшего уезд в 1911 г. голода [10, с. 392], с большим трудом собрало максимально полный свод демографических данных по населенным пунктам и врачебным участкам Шадринского уезда, включая мусульманские деревни. Итоговый пул включал 151 приход, из которого 3 были монастырскими (Далматов, Усть-Караболка и Верхтеча), т. е. не имели младенческой смертности. Из оставшихся 148 общин 48 были мусульманскими, а 100 — православными, в т. ч. 7 городских (6 в Шадринске и 1 в Далматове). Возможная при работе с таким источником погрешность, связанная, в первую очередь, с одномоментностью данных — всего лишь за один год, может быть оправдана тем, что исследование генерально нацелено на реконструкцию разницы КМС между разными группами населения, а не на его уровень или динамику как таковые. Итоговые расчеты показали значительное преимущество мусульманского населения в деле сохранения детских жизней (табл. 3).

Графическое распределение непосредственно поселений по уровню младенческой смертности дает еще более наглядную картину (рис. 2).

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. Санкт-Петербург, 1904. С. 182–183.

² Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Часть 1. Шадринский уезд. Пермь, 1903. С. 45.

Таблица 3

Младенческая смертность в поселениях Шадринского уезда 1912 г.*

Поселения	Рождения	Смерти до 1 года	КМС
Мусульманские	2 126	416	196
Православные (сельск.)	14 932	6 643	445
Православные (город.)	1 402	577	412
Весь уезд	18 460	7 636	414

* Составлено по: Движение населения по Шадринскому уезду. 1912 г. Шадринск, 1913. С. 9–16.

Рис. 2. Младенческая смертность в поселениях Шадринского уезда 1912 г.
Сост. по: Движение населения по Шадринскому уезду. 1912 г. Шадринск, 1913. С. 9–16.

Рис. 3. Младенческая смертность в Шадринском уезде по врачебным участкам 1912 г.
Сост. по: Движение населения по Шадринскому уезду. 1912 г. Шадринск, 1913. С. 9–16.

Наконец, визуализация пространственного распределения младенческой смертности в уезде на карте врачебных участков четко определяет Кунашакский участок — полностью занятый тюркским анклавом — и Смолинский — с частично тюркским населением — как районы заметно сниженной смертности грудных детей по сравнению с общеуездным уровнем (рис. 3).

Таким образом, можно сделать вывод о серьезно более низкой младенческой смертности среди тюрков-мусульман, чем среди православных русских — разница между коэффициентами младенческой смертности составляла более 200 промилле. Вероятно, объяснение этого феномена связано с этническими традициями и религиозными предписаниями ислама, которые обязывают кормить ребенка грудью до 2 лет. Данный вывод, не новый в историографии [8, с. 525–527], тем не менее ценен для поликультурного и экономически многоукладного уральского контекста рубежа XIX–XX вв., т. к. основан на данных Шадринского уезда, максимально однородных в остальных отношениях и, соответственно, очищенных от влияния сторонних факторов.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по соглашению № 19-09-00292 «Пространственный анализ детской смертности на Урале в конце XIX–начале XX вв.: этно-религиозные и социально-экономические факторы».

Список источников

1. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей / Под ред. Денисенко М. Б., Троицкой И. А. Москва : МАКС Пресс, 2010. С. 13–72.
2. Беспойкойная Е. В. Род шадринских помещиков Протопоповых // X Зырянские чтения: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. (Курган, 6–7 декабря 2012 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. С. 44–46.
3. Бобицкий А. В. Смертность мусульман Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в.: опыт создания и использования БД на основе метрических книг // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2018. № 47. С. 70–71.
4. Боровик Ю. В. Проблемы анализа младенческой и детской смертности у старообрядцев уральского города // Изв. Урал. федер. ун-та. 2020. № 1(196). Т. 22, С. 127–140. (Сер. 2: Гуманитар. науки).
5. Голикова С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2012. 176 с.
6. Егоровская Р. А. Земская медицина в Шадринском уезде Пермской губернии с 1870 по 1910 г. Краткий очерк ее развития. Шадринск : Типография К. Е. Доронина, 1912. 68 с.
7. Исупов В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2017. № 4 (3). С. 82–92.
8. Исянгулов Ш. Н. Смертность мусульманского населения Южного Урала в 1860–1910-е гг. (особенности половозрастной структуры) // Oriental Studies. 2020. № 3 (13). С. 521–532.
9. Каткова И. П. Младенческая смертность. Москва : Советская энциклопедия, 1985. С. 255–256.

10. Корнилов Г.Е. Кризисы сельского хозяйства, голодовки и формирование системы продовольственной безопасности в России в первой половине XX в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 391–406.
11. Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3(44). С. 80–89.
12. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 3. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.
13. Нефедов С.А. Уровень потребления в оскудевшем центре России и причины русской революции // Новейшая история России. 2020. № 4 (10). С. 826–843.
14. Никитенко В.П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год: дис. ... д-ра мед. наук. Санкт-Петербург : Т-во худож. печати, 1901. 2, 265 с.
15. Шагов М.А. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (Санитарно-бытовое описание) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 9. С. 479–521.
16. Glavatskaya E., Borovik J., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia // The History of the Family. 2018. № 1 (23). P. 135–153.
17. Lindert P.H., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // The Journal of Economic History. 2014. № 3 (74). P. 767–798.

Информация об авторе

Бахареv Дмитрий Сергеевич, Россия, г. Екатеринбург, аспирант, младший научный сотрудник, научная лаборатория «Международный центр демографических исследований», Уральский федеральный университет (620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru).

Bakharev D. S.

Infant Mortality in the Shadrinsky Uyezd in the Early 20Th Century: the Role of Religious Factors

Abstract. *The paper analyses the influence of religious factors on infant mortality in the Shadrinsky uyezd of the Perm governorate in the early 20th century. The Shadrinsky Uyezd was characterised by its relative natural, climatic and economic homogeneity and poorly developed social infrastructure for children. Based on ethno-religious and legal factors, the population of the uyezd was divided into Orthodox Russian former state peasants and Bashkir-Meshcheryak landowners/landless Muslims employed in agriculture. According to the research results, all other factors equal, Muslim religious precepts had a tremendous impact on the survival of children: the difference in infant mortality rates between confessional groups was more than 200 %.*

Keywords: historical demography, infant mortality, late imperial Russia, Ural population, religion

Acknowledgements

This paper has been prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, No. 19-09-00292 "Spatial Analysis of Child Mortality in the late 19th and early 20th century Urals: Ethno-Religious and Socio-Economic Factors".

Author

Bakharev Dmitry Sergeevich, Russian Federation, Ekaterinburg, PhD Student, Research Assistant, International Demographic Unit, Ural Federal University (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru).